

Благодарности

Глубокая благодарность моей путеводной звезде и литературному агенту Мег Рули, а также Джейн Берки и Дону Клири из Агентства Джейн Ротрозен, Линде Марроу и Джине Сентрелло из издательства «Баллантайн букс» и Селине Уокер из издательства «Трансуорлд». Всем вам я обязана тем, что роман появился на свет.

Меня зовут Мила, а вот моя история.

Этот рассказ можно было бы начать с чего угодно. Скажем, с поселка Кривичи Мядельского района, что на берегу реки Сервечь, где я выросла. Можно начать с того дня, когда умерла моя мама, мне тогда было восемь. Или с того, как в двенадцать лет я потеряла отца: он погиб под колесами соседского грузовика. Но пожалуй, я начну свой рассказ вот с чего — с мексиканской пустыни, куда меня занесло из далекой родной Белоруссии. Здесь я потеряла невинность. И здесь умерли мои мечты.

Безоблачный ноябрьский день, большие черные птицы кружат высоко в небе. Такого голубого неба я еще никогда не видела. Мы едем в белом фургоне с двумя мужчинами, которые не знают моего настоящего имени, и, похоже, их это совершенно не смущает. Они просто гогочут и называют меня Рыжей Соней. Почему-то они именно так окрестили меня, впервые увидев в аэропорту Мехико. Аня говорит, что это из-за моих волос. «Рыжая Соня» — есть такой фильм, но я его не видела, а Аня видела. Она шепотом объясняет мне, что фильм этот про красивую женщину-воительницу, которая разит мечом своих врагов. Теперь мне кажется, что мужчины придумали это прозвище в насмешку, потому что я вовсе не красавица; и уж тем более не воительница. Мне всего семнадцать, и я страшно напугана — ведь я не знаю, что будет дальше.

Мы держимся за руки, Аня и я, а фургон везет нас и еще пять девчонок по бесплодной пустыне. «Туристическая поездка по Мексике» — вот что обещала та женщина в Минске, но

мы понимали истинный смысл ее слов: спасение. Счастливый случай.

— Вы летите самолетом до Мехико, — объясняла женщина-организатор, — в аэропорту вас встретят и помогут пересечь через границу, где для вас откроется новая жизнь. Чего здесь хорошего? Ни нормальной работы для девушек, ни жилья, ни достойных мужчин. У вас нет родителей, которые могли бы поддержать вас. А вы, Мила, — обратилась она ко мне, — вы так хорошо говорите по-английски. В Америке вы приспособитесь только так. — Она щелкнула пальцами. — Смелее! Не упускайте свой шанс. Работодатели оплатят вам дорогу, чего ж вам еще надо?

«Только не этого», — думаю я, с тоской вглядываясь в бесконечные пески за окном. Аня крепче прижимается ко мне, остальные девчонки тоже сидят тихо. Каждая из нас задает себе вопрос: «Что я наделала?»

Все утро мы провели в дороге. Двое мужчин, сидящих впереди, не разговаривают с нами, но тот, что на пассажирском сиденье, постоянно оборачивается и оглядывает нас. Его глаза все время ищут Аню, и мне не нравится, как он пялится на нее. Аня этого не замечает, потому что дремлет у меня на плече. Мышка — так мы звали ее в школе, потому что она очень стеснительная. Вспыхивает от одного лишь взгляда мальчишки. Мы с ней ровесницы, но, глядя на личико спящей Ани, я вижу ребенка. И думаю: мне не следовало брать ее с собой. Нужно было уговорить ее остаться в Кривичах.

Наконец фургон сворачивает с автострады на грунтовую дорогу. Остальные девчонки бодрствуют, уставившись в окна на бурые холмы, по склонам которых, словно старые кости, разбросаны валуны. У нас в поселке уже выпал первый снег, а здесь, в этом бесснежном краю, только пыль, голубое небо да сухой колючий кустарник. Мы останавливаемся, и мужчины оборачиваются к нам.

— Пора выходить, — говорит водитель по-русски. — Дальше пешком. Иначе границу не перейти.

Они отодвигают дверь фургона, и мы выходим одна за другой, семь девочек, потягиваясь и разминая затекшие после долгой дороги мышцы. Несмотря на яркое солнце, здесь прохладно, гораздо холоднее, чем я думала. Аня тоже дрожит; ее ладонь скользнула в мою.

— Сюда, — командует водитель и увлекает нас в сторону от грунтовой дороги, на тропинку, бегущую вверх по холму.

Мы пробираемся через валуны и колючие кустарники, которые впиваются нам в ноги. Аня в открытых сандалиях, и ей приходится часто останавливаться, вытряхивая острые камешки. Мы все изнываем от жажды, но проводники разрешают нам сделать только одну остановку, чтобы попить воды. После чего мы вновь карабкаемся вверх по каменистой тропе, словно неуклюжие козы. Мы достигаем вершины холма и начинаем спуск, держа курс на заросли деревьев. Только у подножия холма мы замечаем, что перед нами русло пересохшей реки. Берегусеян мусором, оставленным нашими предшественниками: пластиковые бутылки, грязный памперс, старый ботинок с виниловым покрытием, растрескавшимся на солнце. С ветки свисает лоскут синего брезента. Как много мечтателей прошло этим путем, и вот теперь еще семеро идут в Америку по их следам. Мои страхи вдруг рассеиваются, потому что здесь, среди куч мусора, мне становится ясно, что цель близка.

Мужчины указывают нам путь вперед, и мы взбираемся на противоположный берег.

Аня тянет меня за руку.

— Мила, я больше не могу идти, — шепчет она.

— Ты должна.

— Но у меня на ноге кровь!

Я смотрю на ее израненные пальцы и кричу проводникам:

— Моя подруга поранила ногу!

— Мне плевать, — отвечает водитель. — Продолжайте идти.

— Мы не можем. Ей нужно перевязать ногу.

— Либо вы идете, либо мы оставляем вас здесь.

— Дайте ей хотя бы переобуться!

Мужчина оборачивается. Его лицо мгновенно меняется. Взглянув на него, Аня испуганно отступает назад. Остальные девочки, словно затравленные овцы, сбиваются в кучку и с замиранием следят за тем, как он направляется ко мне.

Удар обрушивается так быстро, что я даже не успеваю среагировать. Я вдруг оказываюсь на коленях и на несколько секунд погружаюсь в кромешную тьму. Откуда-то издали доносятся крики Ани. Потом я чувствую боль, пульсирующую в скуле. Во рту привкус крови. Я вижу, как она капает на речные камни.

— Вставай! Давай же, поднимайся. Мы и так потеряли кучу времени.

Пошатываясь, я встаю на ноги. Аня смотрит на меня широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Мила, не спорь! — шепчет она. — Нужно делать то, что они говорят! У меня уже не болят ноги, правда. Я могу идти.

— Теперь до тебя дошло? — говорит мне мужчина. Он оборачивается и бросает свирепый взгляд на девчонок. — Видите, что бывает, если разозлить меня, возразить мне? А теперь пошли!

Девчонки с трудом пересекают русло пересохшей реки. Аня хватается за руку и тащит за собой. Я слишком слаба, чтобы сопротивляться, поэтому плетусь за ней, сглатывая кровь, не разбирая дороги.

Остается преодолеть совсем немного. Мы оказываемся на другом берегу, вновь пробираемся через заросли деревьев, и вдруг перед нами открывается грунтовая дорога.

У обочины нас ждут два фургона.

— Выстраивайтесь в шеренгу! — командует водитель. — Давайте поторапливайтесь. На вас хотят посмотреть.

Сбитые с толку его приказом, мы выстраиваемся в шеренгу — семь усталых девчонок с ноющими ногами и в пыльной одежде.

Из фургонов вылезают четверо мужчин и приветствуют нашего водителя по-английски. Они американцы. Один из них, в бейсболке, самый крупный, медленно проходится вдоль ше-

ренги, оглядывая нас. Он похож на обожженного солнцем фермера, инспектирующего своих коров. Американец останавливается передо мной и хмурится, вглядываясь в мое лицо.

— Что с этой?

— Дерзит, — объясняет наш водитель. — Это просто синяк.

— И все равно она какая-то дохлая. Кто ее захочет?

Знает ли он, что я понимаю английский? Или ему все равно? Может, я и дохлая, думаю я, зато у тебя поросычья морда.

Его взгляд уже двинулся дальше, к другим девчонкам.

— Хорошо, — говорит он, и на его лице появляется ухмылка. — Посмотрим, что там у них.

Водитель смотрит на нас.

— Раздевайтесь, — приказывает он по-русски.

Мы потрясенно глядим на него. До этого момента во мне еще теплилась надежда на то, что женщина в Минске говорила правду и в Америке нас ждет работа. Что Аня будет нянчить трех маленьких девочек, а я стану продавщицей в магазине свадебного платья. Даже после того как водитель отобрал у нас паспорта, даже после того как мы, спотыкаясь, прошли весь этот путь, я по-прежнему верила: «Все наладится. Все еще может оказаться правдой».

Никто из нас даже не двинулся. Мы все еще не можем поверить в приказание, которое только что прозвучало.

— Вы что, не слышите меня?! — рявкает водитель. — Хотите выглядеть как она? — Он тычет в мое разбитое лицо, которое до сих пор ноет от удара. — Делайте, что я сказал!

Одна из девочек потрясла головой и заплакала. Это приводит его в ярость. От его пощечины девушка покачнулась, голова ее дернулась. Водитель хватается девчонку за блузку и разрывает ее. Она с криками отбивается от него. Второй удар опрокидывает ее на четвереньки. Для пущей убедительности он с силой бьет ее ботинком по ребрам.

— Ну? — Он оборачивается к остальным. — Кто хочет быть следующей?

Одна из девушек начинает судорожно расстегивать блузку. Следом за ней мы все послушно стягиваем рубашки, рассте-

гиваем юбки и брюки. Даже Аня, стеснительная Анечка, послушно задирает топ.

— Все! — приказывает наш водитель. — Снимайте все! Что вы копаетесь, суки? Ну ничего, скоро научитесь делать это быстро.

Он приближается к девушке, которая стоит, скрестив на груди руки. Она не сняла нижнее белье. Девушка морщится, когда он хватается за боди и срывает его.

Четверо американцев окружают нас, словно голодные волки, их взгляды жадно впиваются в наши тела. Аня дрожит так сильно, что слышно, как стучат ее зубы.

— Вот эту я, пожалуй, обкатаю.

Одна из девушек всхлипывает, когда ее выдергивают из шеренги. Мужчина даже не пытается скрыть свои намерения. Он прижимает девушку лицом к одному из фургонов, расстегивает ширинку и насилует ее. Она кричит.

Другие мужчины тоже делают свой выбор. Аню вдруг оттаскивают от меня. Я пытаюсь удержать ее, но водитель заламывает мне руку.

— Ты никому не нужна, — говорит он. После чего запикивает меня в фургон и запирает.

Из окна я вижу все, слышу все. Хохот мужчин, отчаянную борьбу девушек, их крики. Невыносимо смотреть на это, но и отвернуться невозможно.

— Мила! — кричит Аня. — Мила, помоги мне!

Я бросаюсь к запертой двери, отчаянно пытаюсь выбраться. Мужчина уже опрокинул ее на землю и силой раздвинул бедра. Она лежит, прижатая к земле, крепко зажмурившись от боли. Я тоже кричу, стучу кулаками в окно, но выбраться не могу.

Когда мужчина отрывается от нее, я вижу на нем ее кровь. Он застегивает брюки и громко объявляет:

— Замечательно! Просто замечательно.

Я смотрю на Аню. Поначалу она кажется мне мертвой, потому что она не двигается. Мужчина даже не обернулся к ней, он лезет в рюкзак за бутылкой воды. Жадно глотает. Он не видит, как Аня возвращается к жизни.

Внезапно она вскакивает на ноги. И бросается бежать.

Она несется через пески, а я прижимаю руки к стеклу, чтобы лучше видеть. «Беги, Аня! Беги. Беги!»

— Эй! — орет один из мужчин. — Вон та убежала.

Аня по-прежнему мчится. Она босиком, голая, и острые камни наверняка врезаются в ее ступни. Но впереди лишь открытая пустыня, и она движется решительно.

«Не оглядывайся. Не останавливайся! Беги...»

От выстрела у меня стынет кровь в жилах.

Аня покачнулась и упала на землю. Но она не собирается сдаваться. Она пытается подняться, шатаясь, словно пьяная, делает несколько шагов, потом падает на колени. Теперь она передвигается ползком, каждый сантиметр для нее — это борьба, победа. Она приподнимается, будто пытается ухватиться за руку невидимого для нас спасителя.

Раздается второй выстрел.

На этот раз Аня падает и уже больше не поднимается.

Водитель фургона затыкает пистолет за пояс и смотрит на девушек. Они плачут, съжившись и с ужасом глядя туда, где лежит тело Ани.

— Это издержки, — говорит мужчина, который насильноviolated Аню.

— Гнаться за ними слишком много возни, — соглашается водитель. — Можете выбирать из шести оставшихся.

Товар проверен, теперь мужчины начинают торговаться. Договорившись, они делят нас, как стадо. По три девушки в каждый фургон. Я не слышу, какую цену за нас заплатили; знаю только то, что я — товар, купленный по дешевке, довесок к основной сделке.

Когда мы отъезжаем, я оглядываюсь назад, туда, где осталось тело Ани. Ее даже не потрудились похоронить; она лежит, открытая солнцу и ветрам, и голодные стервятники уже кружат над ней. Пройдет несколько недель, и от нее не останется и следа. Она исчезнет — так же, как исчезну я в этой стране, где никто не знает моего имени. В Америке.

Мы выезжаем на автостраду. Я вижу указатель: «US 94».

За целый день Маура так и не глотнула свежего воздуха. С семи утра она дышала смертью и так свыклась с этим ароматом, что даже не морщилась, когда ее нож вспарывал холодную плоть, заставляя обнаженные органы источать запах разложения. Офицеры полиции, присутствуя на вскрытиях, не проявляли такой стойкости. Иногда Маура улавливала аромат ментоловой мази, которой они обрабатывали носы, чтобы защититься от зловония. Некоторых не спасал даже ментол, и время от времени кто-нибудь из присутствовавших, пошатываясь, уходил от секционного стола и склонялся над умывальником. Копы, в отличие от нее, не привыкли к остропахнущему и вязкому формалину и сернистому аромату разлагающихся тканей.

Сегодня к обычному букету запахов добавилась совершенно неуместная сладковатая нотка: аромат кокосового масла, который источала кожа Глории Ледер, как раз сейчас лежащей на секционном столе. Пятидесятилетняя дама, разведенная, с широкими бедрами, пышной грудью и перламутрово-розовым педикюром. Контуры купальника, в котором женщину нашли мертвой у бассейна возле ее дома, подчеркивали темные линии глубокого загара. Бикини — не совсем удачный выбор для увядающего тела. «Когда я в последний раз надевала купальник?» — подумала Маура, и в ней вдруг шевельнулась совершенно неуместная зависть по отношению к Глории Ледер, которая в последние мгновения своей жизни наслаждалась солнечными ваннами. Август не за горами, а Маура так ни разу и не выбралась ни на пляж, ни в бассейн, да что там говорить — даже не позагорала на лужайке во дворе своего дома.

— Ром с колой, — произнес молодой коп, стоявший у изножья стола. — Думаю, эта смесь была у нее в стакане. Он стоял рядом с шезлонгом.

Маура впервые видела у себя в морге офицера Бушанана. Он нервничал ее тем, что постоянно тербел свою бумажную маску и переминался с ноги на ногу. Мальчишка выглядел слишком молодо для полицейского. Теперь все полицейские казались ей чересчур молодыми.

— Вы сохранили содержимое ее стакана? — спросила она офицера Бушанана.

— Мм... нет, мэ. Зато понюхал. Она определенно пила ром с колой.

— В девять утра? — Маура взглянула на своего ассистента Йошиму, который стоял напротив. Он, как всегда, хранил молчание, но она увидела, как поползла вверх его темная бровь — красноречивый комментарий, которого только и можно было добиться от Йошимы.

— Она выпила немного, — заявил офицер Бушанан. — Стакан был почти полон.

— Хорошо, — сдалась Маура. — Давайте-ка посмотрим на ее спину.

Йошима помог ей перевернуть тело на бок.

— Тут на бедре татуировка, — заметила Маура. — Маленькая синяя бабочка.

— С ума сойти! — воскликнул Бушанан. — В ее-то возрасте?!

Маура подняла взгляд:

— Вы думаете, пятьдесят уже глубокая старость, так, что ли?

— Я просто хотел сказать... ну, моей маме столько же.

«Поаккуратней, мальчик. Я всего лишь на десять лет моложе».

Она взяла нож и начала резать. Сегодня это было уже пятое вскрытие, и она работала быстро. Так совпало, что доктор Костас ушел в отпуск, а накануне ночью произошла автокатастрофа с большим количеством жертв, и уже с утра морозильная комната была набита мешками с трупами. Мауре удалось

частично разобраться с этим, но в течение дня в морг доставили еще два трупа. Им предстояло ждать до завтра. Персонал морга уже разошелся, да и Йошима то и дело поглядывал на часы, явно торопясь домой.

Она надрезала кожу, вскрыла грудную клетку и брюшную полость. Извлекла влажные внутренние органы и выложила их на препаровочный столик для иссечения. Потихоньку Глория Ледер начала раскрывать свои секреты: заплывшая жиром печень — признак злоупотребления ромом и колой. Узловатая матка с фиброзной опухолью.

Когда они вскрыли череп, наконец прояснилась причина смерти. Маура увидела ее сразу, как только мозг оказался в ее облаченных в перчатки руках.

— Субарахноидальное кровоизлияние, — констатировала она и взглянула на Бушанана. Он был заметно бледнее, чем в самом начале вскрытия. — Возможно, у этой женщины была мешковидная аневризма — слабое место в одной из артерий у основания мозга. Гипертония усугубила это состояние.

Бушанан сглотнул, уставившись на лоскут кожи, некогда обтягивавший череп Глории Ледер, а теперь отделенный от него и откинутый на лицо. Эта часть вскрытия, когда лицо превращалось в съежившуюся резиновую маску, обычно приводила в ужас слабонервных — многие морщились или попросту отворачивались.

— То есть... вы считаете, она умерла естественной смертью? — тихо спросил он.

— Совершенно верно. Больше мы с вами здесь ничего не увидим.

Пятясь от стола, молодой человек уже начал развязывать свой халат.

— Пожалуй, мне лучше выйти на воздух...

«Мне бы тоже не мешало, — подумала Маура. — Летний вечер, пора сад поливать, а я весь день торчу в этом помещении».

Но спустя час она все еще сидела в здании бюро судмедэкспертизы, просматривая у себя в кабинете предметные стекла

и расшифровки записанных на диктофон отчетов. Хотя она переделалась, от нее по-прежнему пахло моргом, и против этого запаха были бессильны любые количества мыла и воды, потому что его хранила память. Она включила диктофон и начала записывать отчет о вскрытии Глории Ледер.

— Пятидесятилетняя белая женщина, найдена мертвой в шезлонге у бассейна возле своего дома. Женщина развитая, нормального телосложения, без видимых травм. Внешним осмотром выявлен старый хирургический шрам на животе, возможно оставшийся после удаления аппендикса. Имеется маленькая татуировка в форме бабочки на... — Она замолчала, мысленно представляя себе татуировку. На каком она была бедре — на левом или на правом?

«Господи, я так устала, — подумала она. — Не могу вспомнить». Такая пустяковая деталь никоим образом не влияла на выводы, но Маура терпеть не могла неточностей в работе.

Она встала из-за стола и прошла по пустынному коридору к лестнице. Ее шаги гулко застучали по бетонным ступеням. Войдя в секционный зал, она включила свет и увидела, что Йошима, как всегда, оставил помещение в безукоризненном порядке — тщательно протертые, блистающие чистотой столы и свежевывмытый пол. Она прошла к морозильной камере и открыла тяжелую дверь. Из-за нее вырвались клубы холодного воздуха. Она сделала глубокий вдох, словно собираясь нырнуть в сточную воду, и вошла внутрь.

Восемь тележек были заняты; большую часть трупов в скором времени заберут похоронные агентства. Она медленно двигалась вдоль ряда, проверяя таблички с именами, пока не нашла труп Глории Ледер. Она расстегнула мешок, просунула руки под ягодицы и перевалила тело на бок, чтобы рассмотреть татуировку.

Бабочка была на левом бедре.

Она застегнула мешок и уже собиралась закрыть за собой дверь, когда вдруг застыла на месте. Обернувшись, она устремила взгляд в морозильную камеру.

«Я что-то слышала или мне показалось?»

Включился вентилятор, нагоняя своими лопастями холодный воздух. Да, в нем все дело, подумала она. Это вентилятор. Или компрессор холодильника. Или вода журчит в трубах. Пора домой. Она так устала, что ей уже мерещится всякое.

И она вновь собралась закрыть дверь.

И вновь застыла. Обернувшись, уставилась на каталки с мешками. Теперь ее сердце так колотилось, что она слышала только этот стук.

«Там что-то шевелится. Я уверена».

Она расстегнула первый мешок и увидела труп мужчины с зашитой грудной клеткой. Уже исследованный, подумала она. Определенно мертвый.

«Откуда? Откуда исходил шум?»

Она раскрыла следующий мешок и увидела изуродованное лицо, проломленный череп. Мертвый.

Трясущимися руками она расстегнула третий мешок. Пластиковые половинки разъехались, и Маура увидела бледное лицо молодой женщины с черными волосами и синюшными губами. Расстегнув молнию до конца, она обнажила мокрую блузку — материя прилипла к белому телу, кожа блестела каплями ледяной воды. Распахнув блузку, она увидела полные груди и тонкую талию. Тело было нетронутым, к нему еще не прикасался скальпель патологоанатома. Пальцы рук и ног были фиолетовыми, предплечья покрыты голубым мраморным узором.

Маура прижала пальцы к шее женщины и почувствовала, как холодна ее кожа. Нагнулась к самым губам, ожидая почувствовать слабое дыхание, ощутить едва заметное движение воздуха на своей щеке.

Труп открыл глаза.

Маура вздрогнула и отпрянула. Столкнулась с тележкой, стоявшей позади, и чуть не упала, когда та откатилась от нее. Обретя равновесие, она увидела, что глаза женщины по-прежнему открыты, но взгляд не сфокусирован. Синие губы двигались, складывая беззвучные слова.

«Вывези ее из холодильника! Согрей ее!»

Маура толкнула тележку вперед, но безуспешно: в панике она забыла разблокировать колеса. Она нагнулась, высвободила рычаг и снова толкнула тележку. На этот раз она покадилась, с грохотом перемещаясь из морозильной камеры в более теплую приемную морга.

Веки женщины снова сомкнулись. Наклонившись к ней, Маура не уловила никаких признаков дыхания. «О господи! Я не могу потерять тебя теперь!»

Она ничего не знала об этой женщине — ни имени, ни истории болезни. Незнакомка могла оказаться носителем целой кучи вирусов, но Маура все равно накрыла своими губами ее рот, едва не задохнувшись от привкуса холодной плоти. Трижды глубоко вдохнув и выдохнув, она прижала пальцы к шее, нащупывая каротидный пульс.

«Может, это моя выдумка? Может, я просто ощущаю пульсацию в своих пальцах?»

Она схватила трубку телефона, установленного на стене, и набрала 911.

— Оператор службы спасения.

— Это доктор Айлз из бюро судмедэкспертизы. Мне срочно нужна карета «скорой помощи». Здесь женщина с остановкой дыхания...

— Простите, вы сказали, бюро судмедэкспертизы?

— Да! Я нахожусь в задней части здания, со стороны приемного отделения. Это на Олбани-стрит, прямо напротив медицинского центра!

— Высылаю «скорую».

Маура повесила трубку. И вновь, преодолев отвращение, накрыла губами рот женщины. Еще три резких выдоха, и пальцы снова нащупали сонную артерию.

Пульс. Она определенно чувствовала пульс!

Вдруг Маура услышала хрип, кашель. Женщина задышала, в горле заклокотала слизь.

«Не уходи. Дыши, милая. Дыши!»

Громкая сирена возвестила о прибытии «скорой». Она распахнула задние двери и сощурилась от полыхающих огней машины, которая парковалась во дворе у погрузочной площадки. Из фургона выпрыгнули двое медиков с чемоданчиками.

— Она здесь! — крикнула Маура.

— Все еще не дышит?

— Нет, уже дышит. И я чувствую пульс.

Мужчины вбежали в помещение и замерли, уставившись на каталку с телом.

— Господи, — пробормотал один из них, — это что, мешок для трупа?

— Я нашла ее в холодильной камере, — объяснила Маура. — У нее уже, наверное, гипотермия.

— О боже! Такое только в страшном сне приснится!

В ход пошли кислородная маска и капельница. Тело женщины облепили датчики ЭКГ. По экрану монитора неспешно поползла синусоида сердечного ритма, похожая на след карандаша ленивого карикатуриста. У женщины билось сердце, она дышала, но при этом выглядела мертвой.

— А что с ней случилось? Как она сюда попала? — поинтересовался врач, перетягивая жгутом безвольную руку.

— Мне ничего не известно о ней, — ответила Маура. — Я пришла сюда проверить другой труп и услышала, как она шевелится.

— Мм... у вас часто такое бывает?

— Первый раз в моей практике, — сказала она, про себя понадеявшись, что этот первый раз окажется и последним.

— Долго она пролежала в холодильнике?

Маура посмотрела на табличку с информацией о доставке трупов и обнаружила, что неизвестную привезли в морг около полудня. «Восемь часов назад. Восемь часов в застегнутом мешке. Что, если бы она попала ко мне на стол? Что, если бы я начала резать ее грудь?» Маура пошарила в лотке входящей документации и отыскала конверт с бумагами незнакомки.

— Ее привезли спасатели из Уэймаута, — произнесла она. — Якобы она утонула...

— Эй, милая! — Не успел врач вставить иглу в вену, как пациентка вернулась к жизни, резко дернувшись на каталке. Игла выскочила, и из проколотов вены засочилась кровь.

— Черт, потерял вену. Помоги мне придержать ее!

— Похоже, девчонка сейчас встанет и пойдет домой.

— Она и впрямь сопротивляется. Я не могу подключить капельницу.

— Тогда давай переложим ее на носилки и увезем.

— Куда вы собираетесь ее везти? — спросила Маура.

— Да вон, напротив. В реанимацию. Если у вас есть какие-либо бумаги, им понадобится копия.

Она кивнула:

— Встретимся там.

Длинная очередь пациентов выстроилась у окошка регистратуры, и медсестра приемного покоя упорно не замечала попыток Мауры поймать ее взгляд. В эту беспокойную ночь только сломанная нога или обильное кровотечение помогли бы прорваться без очереди, но Маура, игнорируя возмущенные взгляды других пациентов, все-таки протиснулась к окошку. И постучала в стекло.

— В порядке очереди, — отрезала медсестра.

— Я доктор Айлз. Привезла документы на пациентку. Они понадобятся врачу.

— Что за пациентка?

— Женщина, которую только что доставили из дома напротив.

— Вы имеете в виду ту даму из морга?

Маура замолчала, внезапно осознав, что пациенты, стоявшие в очереди, слышат каждое слово.

— Да, — только и произнесла она.

— Тогда проходите. Они хотят поговорить с вами. У них там неприятности.

Замок с пицанием открылся, Маура толкнула дверь и вошла в лечебное отделение. Она сразу поняла, что имела в виду медсестра, говоря о проблемах. Незнакомку еще не переместили

в палату, она так и лежала в коридоре, правда теперь накрытая термоодеялом. Два врача скорой помощи и медсестра отчаянно пытались усмирить ее.

— Подтяни ремень!

— Черт... она опять вырвала руку...

— Оставь ты в покое кислородную маску! Она ей больше не нужна.

— Смотри за капельницей! Там сейчас игла выскочит!

Маура бросилась к каталке и схватила запястье пациентки, помешав ей вытащить внутривенный катетер. Длинные черные волосы хлестнули Мауру по лицу, когда женщина попыталась высвободиться. Всего двадцать минут назад незнакомка была синюшным трупом в пластиковом мешке. Сейчас врачи с трудом сдерживали ее возрождающуюся жизненную силу.

— Держите! Держите ее руку!

Из горла женщины вырвался звук, подобный стону раненого животного. Потом она запрокинула голову и издала дикий вопль. «Человек не может так кричать, — в ужасе подумала Маура. — Господи, кого я вернула к жизни?»

— Послушайте меня. Слушайте же! — скомандовала Маура. Она обхватила голову женщины руками и посмотрела в искаженное паникой лицо. — Я не дам вас в обиду. Обещаю. Вы должны позволить нам помочь.

Голос Мауры успокоил женщину, и она замерла. Голубые глаза в упор смотрели на доктора Айлз, и расширенные зрачки казались огромными черными лужами.

Одна из медсестер принялась затягивать смирительный ремень на запястье женщины.

«Нет, — подумала Маура. — Не надо этого делать».

Почувствовав прикосновение ремня, пациентка тут же отдернула руку, словно ошпаренная. Удар высвобожденной руки пришелся прямо по щеке Мауры, она даже покачнулась.

— На помощь! — закричала медсестра. — Можете позвать сюда доктора Катлера?

Щека у Мауры пульсировала от боли; она отступила в сторону, когда доктор и еще одна медсестра выбежали из палаты.

Суматоха привлекла внимание пациентов, ожидавших своей очереди в приемной. Маура видела, как они столпились у стеклянной перегородки, с интересом наблюдая сцену почище тех, что разыгрывались в нашумевшем телесериале «Скорая помощь».

— У нее есть аллергия на какие-нибудь препараты? — спросил доктор.

— Истории болезни нет, — ответила сестра.

— В чем дело? Почему она так реагирует?

— Понятия не имеем.

— Хорошо. Давайте попробуем ввести ей внутривенно пять миллиграммов галдола.

— Внутривенно не получается!

— Тогда вкалывайте внутримышечно. Вместе с валиумом, чтобы она себя не покалечила.

Женщина завопила, когда игла шприца вонзилась в ее кожу.

— Об этой женщине что-нибудь известно? Кто она? — Доктор наконец заметил Мауру, стоявшую в сторонке. — Вы родственница?

— Я вызывала неотложку. Я доктор Айлз.

— Вы ее лечащий врач?

— Она патологоанатом, — объяснил коллеге один из врачей скорой помощи, прежде чем Маура успела открыть рот. — А эта больная очнулась в морге.

Врач устался на Мауру.

— Вы шутите.

— Я была в морозильной камере и заметила, что она шевелится, — сказала Маура.

Доктор удивленно усмехнулся:

— И кто признал ее мертвой?

— В морг ее доставили спасатели из Уэймаута.

Он перевел взгляд на пациентку.

— Ну сейчас-то она определенно живая.

— Доктор Катлер, освободилась вторая палата! — крикнула медсестра. — Можно везти ее туда.

Маура двинулась по коридору следом за каталкой, которую везли в палату. Пациентка заметно присмирела под воздействием галдола и валиума. Медсестры взяли у нее кровь и подсоединили датчики ЭКГ. На мониторе обозначился сердечный ритм.

— Итак, доктор Айлз, — произнес врач-реаниматолог, посветив фонариком в глаза пациентки. — Рассказывайте.

Маура открыла конверт с бумагами, сопровождавшими тело.

— Позвольте мне пересказать то, что написано в сопроводительных документах, — сказала она. — В восемь утра в спасательную службу Уэймаута поступил сигнал из яхт-клуба «Санрайз» о том, что в заливе Хингем лодочники обнаружили какой-то плывущий объект. Когда женщину достали из воды, она не дышала и пульс у нее не прощупывался. Личность утопленницы не установлена. На место был вызван следователь из полиции штата, который посчитал, что произошел несчастный случай. Ее доставили в наш морг около полудня.

— И в морге никто не заметил, что она жива?

— Ее доставили в тот момент, когда все были заняты другими трупами. Как раз произошла автокатастрофа на шоссе I 95. К тому же еще оставались неосмотренные трупы с прошлой ночи.

— Сейчас почти девять. За целый день так никто и не посмотрел эту женщину?

— Мертвым не нужна срочная помощь.

— Значит, они просто лежат в холодильнике?

— До тех пор, пока до них не дойдет очередь.

— А если бы вы не услышали, что она шевелится? — Врач повернулся к Мауре. — Она бы так и лежала там до утра?

Маура почувствовала, как вспыхнули ее щеки.

— Да, — пришлось признать ей.

— Доктор Катлер, в реанимационном боксе есть свободная койка, — сообщила медсестра. — Вы хотите перевести ее туда?

Он кивнул.

— Мы не знаем, какие лекарства она принимала, поэтому я хочу понаблюдать за ней. — Он взглянул на пациентку. Глаза ее были закрыты, но губы продолжали шевелиться, словно она неслышно читала молитву. — Эта бедняжка однажды уже умерла. Постараемся, чтобы это не повторилось.

Пока Маура рылась в сумочке в поисках ключей, чтобы открыть дверь, в доме надрывался телефон. Когда она наконец вбежала в гостиную, звонки прекратились. Звонивший не оставил сообщения на автоответчике. Она заглянула в память определителя номера, но имя последнего абонента показалось ей незнакомым: Зоя Фосси. Может, ошиблись?

«Даже не буду морочить себе голову», — подумала она и направилась на кухню.

Теперь зазвонил ее сотовый. Она достала его из сумочки, и на дисплее увидела имя своего коллеги доктора Эйба Бристола.

— Здравствуй, Эйб.

— Маура, может, расскажешь, что там произошло сегодня вечером?

— Ты уже в курсе?

— Получил три звонка. Из двух газет — «Глоуб» и «Геральд» и с какого-то местного телеканала.

— И что говорят репортеры?

— Они все спрашивают про женщину, которая очнулась в морге. Говорят, ее доставили в реанимацию медцентра. Я понятия не имею, в чем дело.

— О господи! Откуда пресса-то узнала так быстро?

— Так это правда?

— Я собиралась позвонить тебе... — Она не договорила. В гостиной опять звонил телефон. — Послушай, мне звонят на городской. Можно, я перезвоню тебе, Эйб?

— Если обещаешь, что расскажешь все без утайки.

Она побежала в гостиную и схватила телефонную трубку.

— Доктор Айлз.